

сальных связей (VI, 476) не проистекает из аналогичной неадекватности сложившихся в действительности отношений и понятий римского права, которым продолжали оперировать византийские юристы? Не выражали ли византийские правоведы и нотариусы с помощью традиционных формул *новые* отношения, как и византийские литераторы в своих внешне антикизирующих сочинениях?

Якоби придает очень большое значение различию форм наследования у морейских рыцарей и греческих архонтов: последние не знали ни первородства, ни нераздельности лена, но делили собственность поровну между наследниками обоого пола (VI, 452—457). Однако он заблуждается, видя в эгалитарном разделе отрицание феодальной природы собственности: как известно, эгалитарная система наследования существовала не только в Византии, но и в таких областях, как Нормандия и Фландрия, и, следовательно, она вполне вписывается в феодальный порядок.

Срастание греческой аристократии архонтов с морейским рыцарством, которое так убедительно прослежено Якоби, возможность совместной эксплуатации вилланов в греко-франкской ко-сеньории в форме так называемой *casaux de raçon* (VIII, 111—125), появление таких фигур, как Иоанн Ласкарь Калофер, греков, враставших в латинское общество (№ IX—X), — все это, на мой взгляд, свидетельствует об отсутствии принципиальной противоположности между западной и византийской знатью. Византийцы знали и вотчинную юрисдикцию, и систему феодальных институтов, и наследственную аристократию, хотя и в своеобразных, отличных от Запада формах.

Статьи Закифиноса как раз и свидетельствуют, что Византия была много ближе к Западу, чем это подчас представляют. Правда, процесс феодализации он рассматривает преимущественно на материале истории XIV—XV вв., хотя — в отличие от Якоби — на территории собственно византийской, а не на завоеванной франками. Но уже в XII в., накануне IV крестового похода, Закифинос констатирует в Византии черты «феодальной раздробленности» (XIII, 3 и сл.). Только до XI в., полагает Закифинос (X, 142 и сл.), Византия сохраняла античные «системы и методы» в сфере социально-экономической жизни, после чего «узкие рамки позднеимперского этагизма» сделались препятствием для ее дальнейшего развития. Он понимает феодализм не только как «ослабление и раздробление власти», но и как тенденцию к «натурально-хозяйственной экономике» (XIII, 16) — такой подход совершенно чужд Якоби, а эта тенденция обнаруживает себя не только и даже не столько в XIV—XV вв. Если в книге 1948 г. Закифинос писал о «маразме греческих городов» в палеологовский период (XI, 146), то в докладе 1971 г. он утверждает, что в это время «городское общество переживает новый подъем» (XII, 10). Такая переоценка роли поздневизантийского города связана с новой идеей Закифиноса — с его концепцией «цезуры» VII—IX вв.

Подобно тому как исследователь подчеркивает наличие в Византии антиномии между централизацией и раздробленностью (XII, 8; XIII, 3), он констатирует и противоречие континуитета и прерывистости в ее развитии (вспомним в связи с этим отмеченную Хунгером антиномию традиционности и своеобразия в византийской литературе — см. выше). С одной стороны, Византия — наследница богатых традиций, не только римских, как подчеркивала историография века Просвещения, но и эллинских или эллинистических (I, 45; II, 668; III, 372), а с другой — этот континуитет не был однообразно-непрерывным. С середины VII по середину IX в. Византия переживает период «всеобщего упадка общественной жизни» (IV, 13). На это время приходится «прогрессирующая дезурбанизация города» (VII, 83), резкое сокращение обращения монеты (V, 311), и натурально-хозяйственная экономика определяет лицо нового общества (V, 320). Начало подлинного возрождения города Закифинос относит уже ко второй половине X в. (VII, 86).

О социальной структуре византийского общества «темных веков» мы знаем мало. По мнению Закифиноса, тогда, как и в последующие столетия, господствовала земельная аристократия (IV, 20). Тезис этот весьма спорен, и в последнее время противоположную концепцию отстаивала даже ученица Закифиноса Э. Арвайлер³. Важно, однако, не наличие в книге Закифиноса тех или иных спорных

³ Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975, p. 25—27.